

Нижневартовск: бунт природы

Брежневское поколение руководителей уповало на Сибирь, видя в ней спасение от экономического кризиса, охватившего советскую империю. Но к середине 1980-х именно здесь было особенно очевидно, что коммунизм советского образца находится в предсмертной агонии | **МАЙКЛ ДОББС**

Чрез несколько месяцев после избрания Горбачёва Генеральным секретарем ЦК КПСС Советский Союз столкнулся с очередной серьезной экономической проблемой: впервые за много лет стала снижаться добыча нефти. Тогда на Западе этому не придали должного значения, поскольку больше интересовались личностью нового лидера, но именно эта неблагоприятная тенденция в итоге определила весь ход реформ Горбачёва. Его амбициозные планы промышленной модернизации требовали крупных инвестиций. Однако с прекращением нефтяного бума это становилось невозможным. И горбачёвские перестроечные реформы, по крайней мере в том виде, в каком они первоначально задумывались, были обречены на провал.

Открытие огромных запасов нефти в Западной Сибири в конце 1960-х фактически вдохнуло новую жизнь в экономику СССР и поддержало на плаву советский режим. Особенно повезло в этом отношении Брежневу — ведь именно в период его правления поток нефти стал стабильно мощным. Сталинистская командно-административная система уже не могла эффективно работать, но и просто отбросить ее было нельзя, не подо-

рвав основ коммунистического государства. Советские лидеры, напуганные Пражской весной, противились всему, что хоть как-то ассоциировалось со свободной рыночной экономикой. И благодаря, можно сказать, свалившимся с неба доходам от экспорта нефти, экономические реформы можно было откладывать, как им казалось, до бесконечности. К тому же нефтяной бум совпал с жестоким энергетическим кризисом на Западе, когда арабо-израильская война 1973 года спровоцировала взрывное повышение цен на нефть. Советские пропагандисты использовали фотографии, на которых были запечатлены разгневанные автомобилисты, осаждавшие автозаправочные станции в Америке и Западной Европе, как наглядное свидетельство окончательного банкротства капитализма. В их представлении энергетический кризис был чисто капиталистическим феноменом, немислимим в плановой экономике.

Золотоносная нефтяная река позволяла Кремлю импортировать значительные объемы зерна, обслуживать растущий внешний долг и оказывать финансовую поддержку своим союзникам в третьем мире. Нефтедолларами Советский Союз покрывал расходы на войну в Афганистане, на содержание кубинских войск в Анголе и Эфиопии, а также на зарплаты более чем 150 тыс. технических советников в семидесяти шести

ПЕРЕВОД ГЛАВЫ "NIZHNEVARTOVSK" ИЗ КНИГИ МАЙКЛА ДОББСА (MICHAEL DOBBS) "DOWN WITH BIG BROTHER: THE FALL OF THE SOVIET EMPIRE" (N. Y.: ALFRED A. KNOPF, 1997) © 1996, MICHAEL DOBBS. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ АВТОРА. НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

странах мира. В течение десятилетия, следовавшего за первым нефтяным кризисом, экспорт нефти на Запад принес Советскому Союзу около трехсот миллиардов долларов¹. Эта цифра может показаться огромной, однако это была лишь верхушка айсберга. Примерно 75 проц. добытой нефти потреблялось внутри страны. Еще от 10 до 15 проц. предназначались для государств-клиентов. От Варшавы до Гаваны и от Ханоя до Манагуа коррумпированные неэффективные коммунистические режимы держались на плаву благодаря обильным поставкам дешевых

стали. Страны, которые стеснялись бюрократические предписания. Руководители советских предприятий привыкли к поставкам дешевого сырья, запасы которого казались неиссякаемыми. К середине 1980-х годов средний советский завод потреблял в два-три раза больше сырья, чем аналогичный американский, но при этом выпускал гораздо менее качественную продукцию. И когда энергетический кризис наконец достиг границ коммунистического мира, его последствия оказались катастрофическими.

Первые признаки приближающейся катастрофы появились в конце 1970-х, когда пла-

“Нефтяной бум эпохи Брежнева сошел на нет. Без принятия срочных мер Кремль мог потерять самый надежный источник поступления твердой валюты”.

энергонасосителей из Сибири. На внутреннем рынке нефть стоила еще меньше — всего несколько центов за галлон. И пока нефть текла рекой, у руководителей предприятий было мало стимулов что-либо менять в организации и технологии производства.

«Нефтяные деньги были своего рода наркотиком, — заметил советский экономист Станислав Шаталин, ставший позже советником Горбачёва. — Как любой наркотик, он создавал иллюзию силы, на деле разрушая тело все больше и больше и делая болезнь все более фатальной»².

Впоследствии оказалось, что энергетический кризис стал для Запада благом: как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Он вынуждал предприятия сокращать расходы и внедрять новые энергосберегающие технологии, а это, в свою очередь, ускорило научно-техническую революцию, которая уже вовсю шла во многих западных странах. В противоположность этому Советский Союз все больше превращался в страну экономических фантазий, где вместо законов спроса и предложения дей-

ствовали органы предупредили Брежнева, что Советский Союз живет не по средствам. В октябре 1981-го Кремль все же решился сократить поставки нефти в Восточную Европу на 10 проц., что сильно рассердило его клиентов. Особенно резко отреагировал руководитель ГДР Эрих Хонеккер, который утверждал, что он не сможет объяснить своему «рабочему классу», почему цены на энергию внезапно выросли³. Не желая никого обидеть, нерешительный Брежнев уменьшил объем предполагавшихся сокращений, так что в итоге экономия оказалась мизерной.

К тому времени, когда Горбачёв пришел к власти, трудности в экономике были уже настолько очевидны, что их больше нельзя было игнорировать. Выступая на заседании Политбюро после своего избрания, новый генсек один за другим приводил примеры экономической отсталости Советского Союза. Основное внимание он уделил удручающему состоянию сельского хозяйства — отрасли, в которой у него был опыт работы. В пищевой промышленности, говорил он коллегам, почти две трети общего объема

производства по-прежнему приходится на ручной труд. Производительность труда на 60 проц. ниже, чем на Западе. Треть урожая ежегодно пропадает из-за потерь и неэффективности. Более трехсот советских городов до сих пор остаются без водоснабжения и канализации. Половина улиц в городах имеет грунтовое покрытие ⁴.

«Если мы не переломим эту тенденцию, то к концу века превратимся в страну третьего мира», — сказал Горбачёв своим коллегам (впрочем, эта откровенная оценка была вымарана из официальной стенограммы, опубликованной в советской прессе) ⁵.

Масштаб амбиций нового лидера сделал проблему изыскания ресурсов еще более острой. В первые несколько месяцев своего пребывания на высшей должности Горбачёв вихрем пронесся по стране, раскрывая перед публикой структурные изъяны советского общества, копившиеся десятилетиями. И действительно, сложившееся положение требовало принятия срочных мер. Цель была ясна: создать условия для продвижения страны вперед, обновляя средства производства и повышая производительность труда. Неясно было только, откуда взять деньги на столь гигантскую программу модернизации.

Возникла классическая дилемма: «пушки или масло?» Одним из возможных решений было сократить военные расходы. Но пока отношения с Соединенными Штатами оставались напряженными, это было нереально. Тем более что вскоре после избрания Горбачёва генсеком военное руководство убедило его *увеличить* военный бюджет. В секретном документе, принятом Политбюро, говорилось, что расходы на оборону в период 1986–1990 годов должны увеличиваться на 4–5 проц. в год, опережая планируемый рост национального дохода ⁶. Вторым выходом могло быть решение урезать потребление. Но это тоже было неприемлемо, так как шло вразрез с ожиданиями, которые советские люди связывали с избрани-

ем Горбачёва. Чтобы убедить людей работать более напряженно, требовались серьезные стимулы, а не дестимулирование.

Дискуссия была в самом разгаре, когда дурные новости из Западной Сибири вынудили Горбачёва пересмотреть как расписание поездок по стране, так и экономические расчеты. Нефтяной бум эпохи Брежнева сошел на нет. Без принятия срочных мер Кремль мог потерять самый надежный источник поступления твердой валюты.

Из своего лайнера ТУ-134, летевшего вблизи Северного полярного круга на высоте 10 тыс. метров над крупнейшим в мире месторождением нефти, Горбачёв с высоты птичьего полета обзирал экономическую базу советской власти. Кольшущаяся зелеными волнами нетронутая тайга вдруг сменилась кошмарной индустриальной пустыней. Казалось, что кто-то взял нож и грубо располосовал громадное зеленое полотно от края до края. Чудовищное переплетение дорог, трубопроводов, нефтяных вышек тянулось на сотни километров по обоим берегам Оби. Время от времени эти беспорядочные линии сливались в уродливые полосы немощных улиц, жилых домов, собранных на скорую руку из железобетонных блоков, и промышленных предприятий, изрыгающих огонь и дым в вечно хмурое небо.

Для многих поколений россиян Сибирь была не только географическим понятием, но и символом. В российском сознании это слово традиционно ассоциировалось с двумя противоположными идеями — свободы и тирании. Огромные неисследованные пространства Сибири подобны американскому Западу — земле, обещавшей широчайшие возможности для вольнолюбивых первопроходцев, которые стремились вырваться из-под контроля вездесущей бюрократии. Но одновременно с этим Сибирь была и местом, куда ссылали политических противников царей и генсеков; в представлении многих она была связана с репрессиями, которым подверглись

миллионы людей, а также с исключительно суровыми климатическими условиями.

В коммунистический период истории Сибирь стала символом СССР как страны неограниченных ресурсов. И эксплуатация этих ресурсов, полагали большевики, — просто вопрос политической воли. Цель всегда оправдывала средства. Если руководство решало, что тот или иной проект — дело первостепенной государственной важности, разговоры о человеческих и экологических издержках становились неуместными. Конечная цель — построение коммунистического общества — оправдывала любые жертвы. Для реализации этой новой утопии Сталин развернул героическое наступление на природу и превратил Сибирь в огромный концентрационный лагерь. Он мобилизовал миллионы подневольных работников на прокладку каналов и железных дорог через скованные морозом безлюдные сибирские пространства, изрыл горы Сибири в поисках урана и построил военные заводы в ее прибрежных районах.

Уже после того, как коммунизм советского образца прошел свою высшую точку и начал катиться к закату, сибирские природные богатства еще долго поддерживали его на плаву. Именно на Сибирь уповало брежневское поколение руководителей, видя в ней спасение от экономического кризиса, охватившего всю империю. Когда в начале 1970-х централизованная экономика столкнулась с серьезными трудностями, Политбюро распорядилось построить БАМ — железную дорогу длиной более 4000 км, чтобы получить доступ к сказочным природным сокровищам северных регионов Сибири. Когда районы возделывания хлопка в Центральной Азии начали испытывать недостаток воды из-за чрезмерной эксплуатации, руководители плановой экономики предложили «простое» решение: повернуть сибирские реки с севера на юг. Когда в конце 1970-х годов бремя сверхдержавы начало становиться для

Кремля неподъемным, сибирские нефтяники получили указание удвоить свои усилия. Сибирь играла роль сырьевого придатка коммунистической империи, колониальной окраины, которую можно было нещадно эксплуатировать. Любая попытка поставить под сомнение миф о «неисчерпаемых богатствах» Сибири была для Брежнева и его коллег идеологически неприемлемой.

В экономическом плане именно Сибирь сделала возможным существование коммунизма в его советском воплощении. Но здесь же была более всего заметна и его предсмертная агония. В конце концов, даже природа восстала против своих ненасытных хозяев.

Город Нижневартовск, в который тогда направился Горбачёв, являл собой типичный пример сталинистского подхода к экономическому развитию. Четверть века назад на этом забытым богом месте стояло лишь несколько сотен деревянных изб, которые принадлежали представителям коренного местного населения — хантам. Кочевые ханты жили за счет северных оленей и рыбы, которой изобиловала Обь. Но вот геологи выяснили, что расположенное поблизости огромное болото (которое местные жители называли «Самотлор», то есть «мертвое озеро») может скрывать под собой месторождение нефти. В начале 1965 года несколько групп буровиков отправились туда на разведку. Условия труда были ужасающими. Дорог здесь просто не было, а температура зимой опускалась до минус 40, а то и до минус 50 градусов. Буровикам потребовалось более месяца только для того, чтобы проложить дорогу через болота. Но когда они все-таки осилили своими бурами мерзлую землю, то обнаружили такие запасы нефти, о которых можно было только мечтать. И в начале 1970-х нефть отсюда начала поступать уже в значительных объемах.

В течение следующего десятилетия Самотлорское месторождение давало больше нефти, чем Кувейт. Каждый четвертый баррель

советской нефти поступал из этого отдаленного уголка Западной Сибири; суммарная выручка от этого объема была эквивалентна всему положительному салдо торгового баланса страны. Первопроходцы, обнаружившие это нефтяное поле, были осыпаны наградами. Советские руководители, которые были готовы на все ради притока твердой валюты, неоднократно повышали нефтяникам производственные задания. Чтобы выполнять указания, поступающие из Москвы, нефтяникам приходилось ловчить. Стараясь как можно быстрее качать нефть, они

проживало более трехсот тысяч человек, но город производил впечатление чего-то преходящего, сугубо временного, как если бы все эти хлипкие дома и улицы с разбитым покрытием предполагалось оставить один на один с наступающей тайгой, как только нефтяные скважины иссякнут. Один из кварталов этого города целиком состоял из металлических железнодорожных вагонов, используемых как временное жилье для нефтяников. Часто три-четыре семьи были вынуждены пользоваться одним туалетом «во дворе», притом что более

“Уже после того, как коммунизм советского образца начал катиться к закату, сибирские природные богатства еще долго поддерживали его на плаву”.

экономили на инфраструктуре и не обращали никакого внимания на окружающую среду. Они использовали такие методы добычи, которые вели к затоплению нефтеносных пластов водой и к потере естественного давления в них. Вместо того, чтобы перерабатывать ценную древесину, они оставляли ее гнить на болотах. Чтобы не строить трубопроводы для сбора попутного природного газа, они просто сжигали его. Каждый день в факелах на нефтяных месторождениях вокруг Нижневартовска терялось столько природного газа, что его хватило бы для удовлетворения потребности нескольких европейских городов ⁷.

При рациональном использовании богатств Самотлорского месторождения здесь можно было бы добывать нефть в больших количествах на протяжении многих десятилетий. Но ее извлекали столь хищнически, что срок эксплуатации нефтяного поля неоправданно сокращался. К тому времени, когда Горбачёв пришел к власти, добыча уже резко пошла на спад.

При этом жителям самого Нижневартовска вряд ли перепала сколько-нибудь значительная доля нефтяного богатства. Тогда здесь

половины года здесь держатся минусовые температуры. За серьезными покупками жители вынуждены были летать в Москву — а это три часа лету! Рекреационные и культурные объекты практически отсутствовали.

Как только Горбачёв вышел из пуленепробиваемого ЗИЛа, который специально был доставлен вместе с ним из Москвы, толпа хлынула навстречу. Кремлевским охранникам стоило большого труда удержать нефтяников в перепачканной одежде и не позволить им сбить с ног Генерального секретаря и его модно одетую жену. Где бы ни появилась эта пара, везде их ожидала толпа полных любопытства аплодирующих людей. Местные партийные чиновники, стремясь избежать неловких ситуаций, беспокойно топтались на заднем плане. На их лицах можно было прочесть одновременно и желание ублажить нового лидера, и тревогу, связанную с его непредсказуемым поведением.

Это была встреча двух разных миров: аппаратчиков в фетровых шляпах и длиннопалых пальто и небритых, немых «масс» в потертых куртках и шерстяных вязаных шапочках. А в центре этой живой картины

там и сям мелькало улыбающееся лицо нового руководителя СССР, эдакого современно-го царя-батюшки, который приветственно протягивал руку своему народу.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, общающийся с простыми людьми, — это зрелище казалось настоящим чудом жителям Нижневартовска, равно как и всей стране, которая в тот же вечер увидела это по телевизору. Пропагандистская машина делала все возможное, чтобы стереть любые индивидуальные черты людей, которые по праздникам едва заметным движением рук приветствова-

ему аудитории во время одной из встреч. — Без поддержки рабочих политика ничего не стоит. Если ее не поддерживают трудящиеся, это не политика, а недоразумение»⁸.

Ко времени своего прибытия в Нижневартовск Горбачёв уже нашел волшебную палочку для пробуждения дремлющих масс. Он был первым Генеральным секретарем, который осознал мощный потенциал телевидения. Горбачёв был свидетелем того, как телевидение демонстрировало народу очевидную немощь Брежнева и Черненко, отчего люди перестали им доверять и в обществе

“Сталинистская система управления экономикой породила монстра, который работал только на себя, не принося пользы ни стране, ни ее жителям”.

ли с трибуны Мавзолея участников демонстраций. Подобно иерархам Русской православной церкви, коммунистические лидеры черпали свой авторитет в бесконечных ритуалах, а не в способности убеждать и вести за собой массы. Аура таинственности и анонимности, окружавшая этих людей, была одним из основных источников прочности режима.

Горбачёв понимал: для того, чтобы достичь поставленной цели и обеспечить второй сверхдержаве мира место под солнцем в XXI веке, ему нужно вырваться из цепких объятий консервативного партийного аппарата, который вовсе не был заинтересован в изменении ситуации. Если бы он позволил бюрократии затянуть себя в их сети, реформы никогда бы не сдвинулись с места. Он увидел выход в том, чтобы через головы аппаратчиков наладить прямой контакт с людьми, с многострадальным русским народом. Это должно было обеспечить ему независимую от бюрократии базу власти и с ее помощью осуществить намеченные перемены.

«Давайте поставим их [бюрократов] под контроль. Вы с одного конца, а мы — с другого, — сказал он благодарно внимавшей

стусилась атмосфера недовольства. Теперь он решил использовать именно это средство массовой информации, чтобы заявить о себе как о новом, энергичном лидере, стремящемся решить проблемы простых людей. Государственная телевизионная сеть обеспечивала ему постоянную аудиторию. Каждый вечер, ровно в девять, во всех одиннадцати часовых поясах Советского Союза около 150 миллионов человек переключали телевизоры на программу «Время», которую транслировали все основные каналы. Главным героем новостей в те первые дни почти всегда был Михаил Горбачёв: он то отчитывал местных чиновников, то, ныряя в толпу, разъяснял свою политику внимательно слушающим трудящимся. При этом он одновременно был и ньюсмейкером, и редактором новостей. Он сам или кто-то из его ближайших помощников то и дело звонил сотрудникам, готовившим программу «Время», и давал подробные инструкции относительно того, что следует включить в программу, а что — ни в коем случае не показывать⁹. В поездке по Западной Сибири телевизионные камеры сопрово-

ждали Горбачёва практически всюду. Здесь он впервые начал говорить о «человеческом факторе» как решающем элементе той революции, которую он пытался осуществить. Как и многие другие люди, посетившие Сибирь, он был поражен контрастом между богатствами, которые хранили недра этой земли, и мерзостью запустения, в которой были вынуждены прозябать люди. Пока он объезжал продовольственные магазины, буровые установки и газокompрессорные станции, на него обрушился поток жалоб на низкокачественное жильё, скудный выбор продуктов и дефицит промтоваров, загрязнение воздуха и устаревшее оборудование. Цель явно не оправдывала средства. Сталинистская система управления экономикой породила монстра, который работал только на себя, не принося пользы ни стране, ни ее жителям.

Новый генсек был потрясен, узнав, что в Нижневартовске, который обеспечивал государственной казне миллиарды рублей, нет ни одного кинотеатра. Фильмы время от времени показывали в местном клубе при горкоме комсомола, но достать билеты на них было нелегко. Все это беспокоило Горбачёва накануне его встречи с партийным активом столицы региона — города Тюмени. В то утро он встал рано, чтобы просмотреть текст речи, подготовленной для него помощниками¹⁰. Он был согласен с теми, кто отвечал за планирование экономики, что необходимы срочные меры, чтобы преодолеть спад нефтедобычи. Но это было не все, что он хотел донести до людей: он хотел сказать им, что всю экономику следует переориентировать на человека.

«Как-то неловко рассуждать о миллионах тонн нефти и кубометров газа, когда буровой мастер доводит до нашего сведения, что лучший подарок в Нижневартовске — это билет в кино, — говорил он партийным работникам, выстроившимся перед ним, подобно школярам-недоучкам. — Для чего, в конце концов, мы добываем эти миллионы тонн

нефти и газа? Не для того же, чтобы трезвонить и хвастаться этими цифрами, а чтобы повышать уровень жизни людей, чтобы развивать экономику, чтобы наша оборона крепла, чтобы условия жизни людей улучшались. Вот зачем все это нужно»¹¹.

В ходе этих первых агитационных поездок по стране Горбачёв часто отклонялся от текста речей, которые ему готовили заранее помощники. Он пытался копировать стиль выступлений первых большевиков, которые могли часами «держать» аудиторию, зачарованную силой их красноречия. Его импровизации резко контрастировали с манерой его ближайших предшественников, которые еле-еле могли прочитать готовые тексты. С другой стороны, он часто говорил несвязно, перескакивал с одного предмета на другой (профессиональная болезнь всемогущих руководителей, которым редко перечат), и мысль, которую он пытался донести, легко могла затеряться в потоке слов. Иногда он так увлекался самой риторикой, что забывал о сути того, что намеревался сказать.

Новый правитель очень хорошо понимал, что с экономикой России что-то не так, но гораздо туманнее представлял себе, как исправить положение дел. Поначалу его политика — оставляя в стороне революционную фразеологию и благие намерения — мало отличалась от курса его предшественников. Он демонстрировал неизменную веру в социалистическую систему централизованного распределения. Его отношение к Ленину оставалось глубоко благоговейным. Посещавшие Горбачёва гости из западных стран отмечали, что в вопросах рыночной экономики он был полным невеждой. Принимая во внимание такого рода идеологические ограничения и прочно укоренившиеся привычки советской бюрократии, не приходится удивляться, что партийные боссы в Западной Сибири отреагировали на критику и призывы нового лидера вполне традиционно: они пробурили сотни новых скважин и стали еще сильнее

давить на бригады нефтяников с тем, чтобы достичь плановых показателей. При этом техническому обслуживанию и ремонту действующих скважин, а также рациональному долгосрочному развитию нефтяных месторождений внимания почти не уделялось, а меры по улучшению условий жизни нефтяников были в лучшем случае символическими. Лозунгом дня стало ускорение.

И действительно, в течение следующих двух лет добыча нефти несколько выросла. Но маниакальная жажда бурить все новые и новые скважины привела лишь к тому, что хаос только усилился, а проблема заводнения нефтяных полей еще более обострилась. К 1988 году производство в СССР вошло в фазу быстрого и необратимого спада. Еще более тревожным, по крайней мере в краткосрочной перспективе, было принятое летом 1985-го решение Саудовской Аравии резко увеличить добычу нефти. Вскоре после визита Горбачёва в Сибирь мировые цены на нефть катастрофически упали. В первом квартале 1986 года за баррель своей нефти Советский Союз мог получить не более 10–12 дол., и это по сравнению с почти 40 дол. в 1980-м, когда был достигнут ценовой пик. За первые два года правления Горбачёва экспортная выручка страны в твердой валюте упала почти на треть. Перестройка была обречена на провал, еще не начавшись.

Поездка Горбачёва по Западной Сибири оказалась примечательной еще по одной причине: она совпала с пиком его непродуманной антиалкогольной кампании, которая сильнее, чем что-либо другое, оттолкнула от него советских людей. Оборачиваясь назад, можно сказать, что это была самая крупная ошибка нового руководства на начальном этапе перестройки.

Пьянство было бичом русской жизни на протяжении столетий. «Величайшее удовольствие русских — пьянство, другими словами — забвение», — написал маркиз де

Кюстин, побывавший в России в 1839 году¹². Брежневский режим негласно поощрял продажу водки, которая была важнейшим источником налоговых поступлений и помогала обеспечивать покорность населения. Потребление крепких напитков за годы правления Брежнева выросло почти в четыре раза. К тому времени, когда Горбачёв пришел к власти, алкоголизм приобрел масштаб эпидемии. Согласно официальным данным, 70 проц. всех преступлений совершалось в состоянии алкогольного опьянения. Именно пьянство было причиной многочисленных прогулов на работе, резкого роста числа разводов и стремительного снижения средней продолжительности жизни мужчин.

Главными инициаторами антиалкогольной кампании были два члена Политбюро, которые ранее поспособствовали тому, чтобы Горбачёв стал Генеральным секретарем: Егор Лигачёв и Михаил Соломенцев. Лигачёв был человеком пуританского склада, питавшим отвращение к моральному разложению, которое он наблюдал вокруг. Ранее он уже пытался ввести запрет на алкоголь в своем родном городе Томске. Соломенцев, наоборот, был вылеченным алкоголиком, который вел войну с пьянством с энтузиазмом неопита. Вместе они убедили Политбюро наложить драконовские ограничения на производство и продажу алкоголя. Десятки тысяч винных магазинов по всей стране были закрыты; вековые виноградники на Кавказе вырублены и распаханы; официальные приемы обходились теперь без алкогольных напитков. Продажа алкоголя была полностью запрещена до 14:00, за исключением немногих винных магазинов, которым было разрешено торговать спиртным постоянно и около которых выстраивались длинные очереди недовольных покупателей.

В результате этой кампании один из самых крупных и прибыльных бизнесов в России ушел в подполье. Сахар в одночасье стал дефицитным товаром, так как резко пошло

вверх нелегальное производство самогона. Не имея возможности купить водку в государственных магазинах, люди стали употреблять любые доступные заменители — одеколон, клей, жидкость для мытья окон и даже крем для обуви. Использование в качестве выпивки токсичных веществ стало причиной смерти тысяч отчаявшихся алкоголиков. Фактически правительство отдало преступным группировкам монополию на продажу алкоголя, которую раньше ревниво охраняло. Потеря налоговых поступлений от продажи алкоголя пробила в государственном бюджете брешь, которую советской экономике так и не удалось залатать. С 1985-го наблюдался постоянно растущий дисбаланс между денежными доходами населения и предложением товаров и услуг. Поскольку правительство по-прежнему устанавливало цены в административном порядке, повсюду возникал дефицит. К 1988 году, когда власти отказались от антиалкогольной кампании, контроль над денежной системой был уже утрачен.

Хотя Горбачёв и не был главным инициатором антиалкогольной кампании, он ее всем сердцем поддерживал. И в обществен-

ном мнении она была связана с его именем. Вскоре на эту тему начали ходить анекдоты. Так, в народе его стали называть не генеральным, а «минеральным» секретарем. Горбачёв не боялся этой критики. На заседаниях Политбюро он ясно давал понять, что считает борьбу с алкоголем составной частью борьбы за коммунизм. На карту поставлено, говорил он своим коллегам, «генетическое будущее» нации. Когда заместитель главы Госплана возразил, что реализация такого запрета лишит государство 12 проц. его доходов, генсек резко оборвал его: «Водка не сможет привести нас к коммунизму»¹³.

Стремление Горбачёва навязать соотечественникам трезвый образ жизни даже против их воли продемонстрировало наличие у него авторитарной жилки, и это контрастировало с его разговорами о демократии и открытости. «Запомните, что это не на день или два, и даже не на год. Это навсегда!» — заявил Горбачёв нефтяникам Нижевартовска, потрясая перед ними указательным пальцем словно разгневанный патриарх¹⁴. А рабочие с угрюмым видом аплодировали ему, вовсе не собираясь менять свой образ жизни. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Epstein E. J.* Petropower and Soviet Expansion // *Commentary*. 1986. July. P. 26.

² *Dobbs M.* Oil's Skid Fuels Gorbachev's Reforms // *Wash. Post*. 1990. May 28. P. A1, 18.

³ Стенограмма заседания Политбюро. 29 окт. 1981. ЦХСД.

⁴ См. воспоминания Анатолия Черныева в материалах конференции Принстонского университета, посвященной холодной войне: "A Retrospective on the End of the Cold War". 1993. Feb. 26. Vol. III. P. 40.

⁵ Interview with Abel Aganbegian // *BBC/Lapping*.

⁶ Известия. 8 июня 1990. По словам бывшего премьер-министра Николая Рыжкова, такое решение было принято с учетом «существующей

международной обстановки и нашей военной доктрины».

⁷ См.: *Горбачёв М.* Жизнь и реформы. Т. 1. М.: Новости, 1995. С. 285.

⁸ *BBC*. 1985. Sept. 6. SU/8049/C/1

⁹ Свидетельство главного редактора программы «Время» Эдуарда Сагалаева. См.: *Remnick D.* Lenin's Tomb. Random House, 1993. P. 146–147. См. также: *Boldin V.* Ten Years That Shook the World. Basic Books, 1994. P. 110–111.

¹⁰ *Boldin V.* Op. cit. P. 100.

¹¹ *BBC*. 1985. Sept. 9. SU/8051/C/1

¹² *Custine, Marquis de.* Empire of the Czar. Anchor Books, 1990. P. 437.

¹³ *Chernyayev A.* Op. cit. P. 39.

¹⁴ *BBC*. 1985. Sept. 6. SU/8049/C/1